

Оправданіе Свободы

1

Въ своей книгѣ «Философія Неравенства» Н. Бердяевъ разсматриваетъ вопросы общественные, и разсматриваетъ ихъ съ религіозной точки зрѣнія. Хочетъ взять общественность — «въ свѣтъ религіознаго сознанія».

Я не собираюсь заняться подробной критикой его многосложнаго и многословнаго труда, да врядъ ли это было-бы мнѣ и подъ силу. Но я хочу говорить о тѣхъ-же вопросахъ, о которыхъ говоритъ Бердяевъ, — общественныхъ, — съ той же точки зрѣнія — религіозной; и книга «Неравенства» поможетъ выясненію моихъ собственныхъ взглядовъ, если я буду ея попутно пользоваться.

Почему, при одинаковомъ, казалось бы, критеріи, мы столь не одинаково судимъ и столь разнствуемъ въ выводахъ? Это, какъ мой личный споръ съ Бердяевымъ, не имѣло-бы интереса. Но дѣло не въ спорѣ. Важенъ самый предметъ и то, что мы оба разсматриваемъ его «въ свѣтъ религіознаго сознанія».

А на религіозномъ *сознаніи*, и только на немъ, построится будущая общественная идеологія.

Я подчеркиваю: на религіозномъ *сознаніи*, ибо просто религіозными уже есть и были всѣ доннынѣ существовавшія идеологіи. Нужно-ли это доказывать? достаточно обратить вниманіе на самое слово «идеологія»: въ немъ неизмѣнно присутствуетъ элементъ ирраціональнаго.

Впрочемъ, ирраціональное до такой степени объемлетъ насъ, до такой степени пронитываетъ дѣйствія, понятія и языкъ человѣчества, что изъ него, по свидѣтельству самого разума, выхода нѣтъ. Поэтому человѣчество (и каждый отдѣльный человѣкъ) всегда было, есть и будетъ религіозно въ существѣ. Первично и природно религіозно.

Можно-ли, однако, эту первично данную, природную религіозность называть религіозностью? Думаю, что можно

и должно, хотя бы религиозное сознание въ ней и вовсе отсутствовало. Но въ процессѣ жизни это сознание ни у кого вполне и не отсутствуетъ: въ соответствии съ мѣрой и качествомъ ея — создаются формы личной или общественной жизни.

Человѣкъ не можетъ стать частью самого себя: когда онъ думаетъ, что покончилъ съ «вѣрой» — онъ только мѣняетъ ея содержаніе. Его религиозное сознание прогрессируетъ или регрессируетъ. Идолопоклонство, рационализмъ, атеизмъ или морализмъ — все это разнаго качества *вѣры*, и даже извѣстная степень религиознаго сознанія. Бакунинъ изъ пламенно вѣрующаго въ Духъ сдѣлался столь-же пламенно вѣрующимъ — въ атеизмъ. Кто-то у Достоевскаго, кажется, такъ прямо и кричитъ: «я вѣрю. вѣрю... что не вѣрю въ Бога!» Люди, не думающіе вовсе объ этихъ вещахъ, имѣютъ минимумъ религиознаго сознанія; но вѣра и въ нихъ не перестаетъ дѣйствовать, только объектомъ ея становится что попало.

Все это доступно самому простому разсужденію, и если бы рационалисты не относились къ «раціо» со слѣпымъ поклоненіемъ, а заставляли его нормально имъ служить — имъ не пришлось бы повторять эти общія мѣста о вѣрѣ, объ иррациональномъ въ жизни и т. д. Но, увы, даже самыя слова наши, благодаря неосторожному обращенію съ разумомъ, — затмили, потеряли точный смыслъ, первое значеніе, и нерѣдко спутываютъ понятія.

Не слѣдуетъ, напримѣръ, смѣшивать *бытіе* — съ *жизнью*, реальной жизнью въ ея совокупности. Жизнь — только потенциальное бытіе, становящееся бытіе. И жизнь — борьба двухъ началъ или двухъ Духовъ: возводящаго къ бытію и спускающаго къ небытію. Это — борьба во Времени, между двумя Вѣчностями: вѣчной Жизнью (бытіемъ) и вѣчной Смертью.

Пусть не упрекаютъ меня въ отвлеченности. Я говорю не о какой-то войнѣ въ воздухѣ, гдѣ то въ сомнительно-существующихъ, надзвѣздныхъ сферахъ, а о грандіозной борьбѣ въ самой реальнѣйшей реальности, притомъ отнюдь не проявляющейся только въ грандіозныхъ формахъ. Она наполняетъ *всѣ* формы. Нѣтъ пылинки въ мірѣ. нѣтъ ни единаго движенія человѣческаго, душевнаго или тѣлеснаго, — гдѣ бы элементъ этой борьбы отсутствовалъ.

Потенція заложеннаго въ мірѣ Бытія ставитъ передъ

человѣчествомъ три вопроса и требуетъ положительнаго ихъ разрѣшенія, вѣрнѣе — maximum'a приближенія къ нему въ процесѣ постоянного устремленія воли.

Только *три* исчерпывающихъ вопроса: каждый изъ другихъ, безчисленныхъ, большихъ и малыхъ, рожденныхъ сложнымъ многообразіемъ жизни — непременно вливается, на глубинахъ, въ какой нибудь изъ трехъ основныхъ. Внутри этихъ вопросовъ происходятъ всѣ драмы и трагедіи человѣческія, потому что внутри нихъ протекаетъ исторія — жизнь-борьба духа Бытія съ духомъ Небытія.

Эти вопросы: во-первыхъ — о «я», единственномъ и неповторимомъ (Личность).

Во-вторыхъ — о «ты», о другомъ единственномъ и неповторимомъ «я» (личная любовь).

Въ-третьихъ — о «мы», о всѣхъ другихъ «я» въ совмѣстности (общественность).

Найти наиболѣе высокое и правильное отношеніе: къ самому себѣ, къ міру-космосу, къ Богу; къ подобной, но другой Личности; найти, наконецъ, такія-же отношенія между всѣми людьми — вотъ тройная задача, поставленная передъ челоѣчествомъ. *Совершенное* ея разрѣшеніе — Бердяевъ правъ — невозможно въ условіяхъ относительности; но, ища, все болѣе и болѣе приближаться къ рѣшенію — таковъ *смыслъ жизни*.

И не боюсь повторить эти два слова, затертыя отъ повтореній, ибо я употребляю ихъ въ значеніи самомъ точномъ и прямомъ: да, именно въ исканіи бытія, въ борьбѣ за бытіе (жизнь, освобожденную отъ Смерти) и заключается смыслъ того, что мы называемъ реальной жизнью.

«Вы не ищите смысла жизни!» обличаетъ Бердяевъ. Неправда: все челоѣчество, непрестанно и неустанно, смысла ищетъ; только это, живя, и дѣлаетъ; да и что бы другое оно еще могло дѣлать? Ищутъ его сознательно и бессознательно, даже когда не подозреваютъ, что ищутъ. Ищутъ дѣйствіемъ, мыслью и словомъ, ищутъ сильные и слабые, великіе и малые... Не ищутъ, перестаютъ искать, только до конца побѣжденные Духомъ небытія, уже выходящіе изъ строя. Эти, если живутъ еще «нѣкое малое время», то лишь для того, чтобы творить волю Побѣдителя и затѣмъ «низринуться съ крутизны въ море»... подобно евангельскому стаду. Но такихъ бесполезно и обличать.

Три вопроса, составляющие содержание жизни, названы мною одной «тройной задачей». Они, действительно, имеют единство, — единство уровня воды в трех сообщающихся сосудах. Кто не наблюдал, как эти вопросы сцеплены, вкраплены друг в друга, как один переливается ими всеми, а всё — одним? Но для нас они иногда бывают разделены временем. Нам кажется, что один из трех выступает вперед, и наше внимание обращается главным образом на него. Тогда и внимание Соблазнителя, умного духа небытия, обращается в ту-же сторону, и как раз на этом полѣ происходят самыя жаркія битвы.

Я потому останавливаюсь так долго на общей, примитивной, схемѣ «религіознаго сознанія», что безъ нея будетъ менѣе понятно послѣдующее. Эта схема такъ первична и виѣспорна, что въ ней врядъ ли и съ Бердяевымъ у насъ будетъ разногласіе.

Одинаково мы видимъ и «природу» зла. Правда, Бердяевъ говоритъ о «сатанинскихъ идеяхъ» и тутъ ошибается: «сатана», духъ небытія, никакихъ идей не имѣетъ. Злое начало потому и злое, что чисто разрушительное, не могущее ничего ни создать, ни построить. Его работа — искаженіе, искривленіе, порча уже созданнаго, а главныя орудія — маска и зеркало. Онъ любитъ маску, зная сея неотразимость. Зеркаломъ пользуется, чтобы нашу же идею показать намъ въ обратномъ, перевернутомъ, видѣ и заставить насъ отъ нея отречься. Эти «маски, подмѣны» Бердяевъ прекрасно видитъ. Видитъ и религіозную, или «обратно-религіозную», сущность интернаціонало-большевизма, нынѣ царствующаго въ Россіи: «Интернаціонализмъ, говоритъ онъ, есть безобразная каррикатура, изолганіе вселенскаго духа, лживое подобіе...».

Положимъ, какъ не увидѣть, когда и самому обыкновенному, среднему человѣческому сознанію это слишкомъ ясно. Русскій «коммунизмъ» до грубости рѣзко объявилъ себя именно религіей; коммунистическая партія играетъ роль церкви, до мелочей повторяя церковь христіанскую, въ обратномъ видѣ, конечно. Ни песчинки новаго, — только перевертъ; все положительное замѣнено отрицательнымъ: свобода — рабствомъ, созиданье — разрушеньемъ, жизнь — смертью. Даже не математика, даже не ариѳметика — автоматизмъ.

Если чему удивляться, такъ развѣ тому, что эта «сатано-

кратія», и даже видъ людей, руками которыхъ она дѣлается, опустошенныхъ до мертвости автоматовъ — еще не всѣхъ заставили содрогнуться. А видя умиранье себѣ подобнаго — и звѣрь дрожить, начиная понимать смерть.

Бердяевъ — понялъ, но... Бердяевъ не выдержалъ: соблазнился о сатанократіи. Не ею, а именно о ней. Соблазниться о чемъ нибудь — на религиозномъ языкѣ значитъ ослѣпнуть, заворожиться такъ, чтобы ужъ во всемъ и вездѣ видѣть только предметъ соблазна.

«Чтобы правильно оцѣнить какую бы то ни было идею, говоритъ Бердяевъ, надо ее брать въ крайнихъ точкахъ», и немедленно начинается поиски «крайнихъ точекъ» идей равенства, демократіи, свободы, революціи и т. д.

Будемъ говорить на чистоту. Бердяевъ это дѣлаетъ съ цѣлью доказать, что всѣ идеи, касающіяся человѣческой общности (соціальности) и имѣющія главной базой свободу, всѣ онѣ, въ крайней точкѣ своего развитія, — упираются въ большевизмъ.

Бердяевъ не первый и не послѣдній. Много такихъ же, какъ онъ, «соблазненныхъ», оглушенныхъ ударомъ по Россіи, старающихся доказать — инымъ методомъ, въ иной плоскости, — но тоже самое.

Впрочемъ и Бердяевъ, какъ ни странно, теряетъ свою основную точку зрѣнія, чуть только подходитъ къ общественнымъ вопросамъ, спускается къ реальности. Религиозное сознание его гаснетъ; остается одна религиозная терминологія.

О глубокой причинѣ такой потери при оцѣнкѣ извѣстныхъ идей и явленій я скажу ниже; пока замѣчу лишь, что потеря сказывается даже въ мелочахъ: Бердяевъ не устаетъ утверждать *качество* преимущественно передъ *количествомъ*, тогда какъ для религиознаго сознания оба понятія равноцѣнны. Не требуетъ ли «гармонія» (истина) ■ качества, и количества? Но она требуетъ и *мѣры*.

Бердяевъ — мѣры не знаетъ.

II

Книга начинается съ опредѣленія идеи «революціи» (идеи, или самихъ, донынѣ бывшихъ, революцій — трудно понять въ смѣшеніи; но и само смѣшеніе характерно).

«Революція никогда не была и никогда не можетъ

быть религиозной, — говорит Бердяев. — Революція всякая революція, по природѣ своей антирелигіозна, и низки всѣ религиозныя ея оправданія». «На всякой революціи лежитъ печать богооставленности и проклятiя...». «Революціонизмъ есть утвержденіе смерти и тлѣнія вмѣсто вѣчной жизни». «Революція не духовна по своей природѣ. Революція статична. Русская революція есть тяжелая расплата за грѣхи...». Чьи-же?

Отвѣтъ очень опредѣленный, и грѣшные — ужь не въ одной революціи, а вообще въ гибели Россіи — перечислены съ большимъ тщаніемъ:

«Близоручко и несправедливо винить во всемъ большевиковъ». Виновные — это «народники, социалисты, анархисты, толстовцы, славянофилы, теократы, империалисты и др.» (Кстати, кто эти «др.»? Тутъ ужь все русское сознаніе, цѣликомъ).

И тяжеле всѣхъ виноваты — «вы, *умѣренные русскіе социалисты и радикалы всѣхъ отгѣнковъ, русскіе просвѣтители, происходящіе отъ Бѣлинскаго, отъ русскихъ критиковъ, отъ русскихъ народниковъ...*». «*Это вы низвергли Россію въ темную бездну, вы, вначалѣ выступившіе съ невинными лозунгами народолюбцевъ, а потомъ превратившіеся въ разъяренныхъ звѣрей, и злодѣянія вашего не простять вамъ грядущія поколѣнія русскаго народа. Большевики лишь сбѣгали послѣдній выводъ изъ вашего долгаго пути, показали наглядно, къ чему ведутъ всѣ ваши идеи*».

Отчетливѣе нельзя сказать. Не ясно ли, чѣмъ окажутся «всѣ эти идеи» при дальнѣйшемъ разборѣ и какъ разборъ будетъ производиться?

Не съ религиозной точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ. Для религиознаго сознанія такіа хулы — грѣхъ (не сужу. простимый-ли). Но и для всякаго человѣческаго сознанія неприемлемо такое огульное отрицаніе духовной жизни Россіи, даже не Россіи только — духовной жизни человечества въ исторіи, его порывовъ къ свободѣ и совмѣстности — къ Царству Божьему. Не самъ-ли Бердяевъ называлъ раньше этотъ порывъ «святая святѣмъ исторіи»? А въ центрѣ всѣхъ «идей», которыя онъ нынѣ втаптываетъ въ грязь большевизма, идей пусть малоосознанныхъ, доступныхъ соблазну искаженія, лежитъ тотъ-же порывъ. Да, *совершенное Царство Божіе мыслится лишь въ бытіи, а не въ жизни, гдѣ нѣтъ совершенной свободы и совер-*

шенной любви. Но Бердяевъ забылъ, что жизнь должна творить образы и подобія Царства Божія, все болѣе и болѣе приближающіеся къ совершенству, и что свято усиліе дать каждому моменту его максимумъ свободы и любви.

Кажется, свободы-то Бердяевъ больше всего и боится. Маска свободы, которую онъ увидѣлъ, соблазняетъ его. Ему уже думается, что всякая человѣческая свобода на землѣ — только маска, а подъ ней — темное лицо...

Но что-же такое, однако, «всѣ эти идеи» — революціи, свободы, равенства, демократіи, — не по Бердяеву, не для соблазненныхъ, а для религіознаго сознанія?

Начнемъ и мы съ революціи.

Въ истинномъ значеніи слова, *революціей* слѣдуетъ называть не то, что мы обыкновенно называемъ, но *революціонный моментъ*. Въ немъ (т. е. именно въ «революціи») Божій духъ свободы соединяется на мигъ съ землею плотью. Говорю на «мигъ», но и мигъ измѣреніе времени, а революція, въ религіозномъ понятіи, этого измѣренія не имѣетъ: она одинъ изъ прорывовъ Внѣвременнаго во Временное. Личность знаетъ эти прорывы въ созерцаньи и въ любви; общность человѣческая — въ свободѣ. Духъ свободы такой-же Божій, какъ и духъ любви.

Революція не имѣетъ *длени* (*la durée*, по Бергсону), и когда мы говоримъ о «революціи» — мы говоримъ въ сущности, о временахъ, окружающихъ этотъ мигъ; о времени «послѣреволюціонномъ», о революціонныхъ «эпохахъ»... Отсюда и споры, когда именно, какая революція кончилась. Споры неразрѣшимые, ибо революція есть реальное, но неуслѣдимое мгновеніе.

Конечно, мы не можемъ, находясь во времени, мыслить иначе, какъ условно. И если я указываю на революцію какъ на моментъ «прорыва» — то лишь для того, чтобы разъ навсегда отстранить отъ нея упреки, подобные Бердяевскимъ. Да, революція не «духовна», но потому, что она, въ высшей точкѣ своей, «духовно-тѣлесна». Да, она и не «динамична» въ обыкновенномъ понятіи, но потому, что она — взлетъ, крайняя динамика.

Я отнюдь не отрицаю факта, что послѣреволюціонное время всегда было ужасно; я соглашаюсь съ Бердяевымъ: конкретный смрадъ русскихъ послѣреволюціонныхъ годовъ превзошелъ все, что мы знаемъ о такихъ годахъ въ исторіи. Я соглашаюсь далѣе, что въ этомъ смрадѣ по-

винны мы всё, не одинаково — но *равно*, каждый въ мѣру самого себя. И начавъ считать чужія вины (по моему — практичнѣе заниматься своей) мы, пожалуй, найдемъ, что на Бердяевѣ лежитъ вина куда тяжеле, чѣмъ на «свободолюбцахъ», «народолюбцахъ», «русскихъ просвѣтителяхъ, радикалахъ, критикахъ», на всей, имъ уничтожаемой, русской интеллигенціи. Вина, всегда, — по степени сознанія. Если степень сознанія у русской интеллигенціи была ниже, чѣмъ у него, Бердяева (а онъ самъ это говорить), то не могу ли я ему напомнить слова, очень къ нему, въ данномъ случаѣ, относящіяся: «кто не видитъ, тотъ не имѣетъ грѣха; а такъ какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ».

Мнѣ стоитъ большихъ усилій высвободить ясное положеніе изъ обличительнаго бердяевскаго многословія: откровенно сознаю, что постоянно въ немъ вязну. Резюмируемъ, однако: злая воля русской «безблагодатной» интеллигенціи стремилась къ революціи — для революціи, къ революціи — религіи, и эта революція погубила Россію. Такъ утверждаетъ Бердяевъ.

Но я утверждаю, что революціонный моментъ (настоящая «революція»), при всей полнотѣ, никогда не бываетъ самодовлѣющимъ. Революція самодовлѣющая. «революція для революціи», «революція религія» — это въ лучшемъ случаѣ абсурдъ, въ худшемъ — безуміе. Такъ-же, какъ «свобода: и свобода — лишь *отъ* чего нибудь, для чего нибудь».

Революція, дѣйствительно, есть «окончаніе старой жизни», но окончаніе *для* начала новой. Создаетъ-ли революція новую жизнь? Нѣтъ, ибо новая жизнь, опять не совершенная, строится во времени, а революція не имѣетъ длениа. Но для созданія новой жизни революція есть начальное *условіе*, — какъ бы раскрытіе дверей въ эту жизнь. Лучшую или худшую — это зависитъ ужъ не отъ революціи, а отъ строителей, т. е. отъ людей послѣреволюціоннаго времени; главнымъ образомъ отъ ихъ осознанія пережитаго момента и сознанія громадной опасности періода, непосредственно за революціей слѣдующаго.

Почти всегда эти первые строители, «люди революціи», — гибли. Не потому, что не чиста была ихъ воля къ революціи до ея наступленія и воля къ созданію новой жизни — послѣ. Но воля эта оставалась у нихъ такой

же идеалистически-бессознательной и послѣ революціи, какъ была до нея, если, — въ худшихъ случаяхъ, — не разлагалъ эту волю соблазнъ «власти».

Люди революціи никогда еще не были, внутренно, *въ ростъ* революціи, которую переживали.

Прибавлю: о революціонномъ моментѣ почти ничего нельзя сказать словами, какъ о многихъ вещахъ того-же порядна. Разказать же о немъ тому, кто «порядка» не понимаетъ, а самъ въ моментѣ не былъ — совсѣмъ невозможно. Однако бывшій и не забывшій — хотя бы февральско-мартовскую русскую революцію — пойметъ, о чемъ я говорю.

Одинъ и тотъ-же лучъ (не «печать богооставленности», а печать богоприсутствія) лежалъ на лицахъ всѣхъ людей, преображая лица. И никогда не были люди такъ *вмѣстѣ*: ни раньше, ни послѣ.

Пускай многіе, пускай даже всѣ, бывшіе тогда *вмѣстѣ*, нынѣ проклинаютъ революцію, и русскую, и французскую, и английскую, — всякую революцію. Это ничего не мѣняетъ. Все таки соединяющій лучъ лежалъ на чело-вѣческихъ лицахъ, все таки — *это было*.†

Бердяеву, конечно, языкъ мой непонятенъ. Бердяевъ или не прошелъ опыта, или забылъ его. Но Бердяеву я хочу предложить одинъ вопросъ, очень конкретный, совсѣмъ въ иномъ планѣ.

Всякая революція, вездѣ и во всѣ времена, — достойна проклятія? Воля къ революціи — дьявольская воля? Желать революціи — грѣхъ? Каждой революціи должно сказать «нѣтъ?»

Ну, а представимъ себѣ (это очень представимо), что сегодня, завтра совершается революція въ Россіи. Она будетъ именно такая-же, какъ всякая, во имя свободы и ради новой жизни, противъ «существующей власти»... которую Бердяевъ, согласно со мною, считаетъ реакціоннѣйшей изъ всѣхъ, доннынѣ возникавшихъ, и отлично знаетъ, что никогда большевики «революціонерами» не были, да и большевицкой *революціи* — не было.

Что-же, скажетъ Бердяевъ завтрашней русской революціи — «нѣтъ»? Проклянетъ ее? Осудитъ волю къ ней, какъ грѣховную?

Я сильно подозреваю, что и у Бердяева, гдѣ-то въ глубинѣ души, таится эта самая, «грѣховная», воля. По-

жалуй, онъ и не скажетъ, что грядущая русская революція ему «отвратительна, какъ всякая революція».

Непоследовательность? Да, но за то шагъ впередъ по пути истиннаго религіознаго сознанія.

III

Отвращеніе къ революціи связано у Бердяева съ отвращеніемъ къ демократіи, а, главное, къ идеѣ равенства, на которомъ, какъ онъ думаетъ, основывается демократія.

Какое-же равенство Бердяевъ разумѣетъ?

У Джерома К. Джерома есть рассказъ-утопія о будущемъ человѣческомъ устройствѣ, гдѣ равенство доведено почти до идеала: вмѣсто именъ люди имѣютъ номера (съ именемъ — какое-же равенство! Одно имя хуже, другое лучше). Волосы у всѣхъ выкрашены въ одинаковій черный цвѣтъ. Тому, кто родился болѣе умнымъ — сверлять дырочку въ черепъ, а болѣе другихъ способному отрубають лѣвую (или правую) руку. Все для равенства, для уравнинія.

На такомъ «равенствѣ», по Бердяеву, основана «демократія». Онъ не разъ опредѣляетъ это равенство: «уравниніе всѣхъ, нивеллировка». Понятно, что и «нивеллирующая» демократія является передъ Бердяевымъ ввидѣ нѣкаго чудовища — «человѣкобожествленія, гдѣ народъ довлѣетъ самому себѣ,, гдѣ верховное начало — его собственная воля, независимо отъ ея содержанія». Просто — «хочу, чего захочу», а такъ какъ «демократическая идеология есть крайній рационализмъ» и даже «не можетъ признать государства», то легко себѣ представить, что такое демократія: «въ вѣкъ ея торжества, объясняетъ Бердяевъ, нѣтъ уже святости и гениальности, ибо демократія не благопріятна появленію яркихъ, творческихъ личностей» (еще-бы! сейчасъ, по Джерому, дырочку въ черепъ!) — и даже «старая тиранія съ кострами инквизиціи оставляла больше простора для человѣческой индивидуальности».

Дѣйствительно, ужъ лучше костры, чѣмъ джеромо-бердяевская демократія и ея проклятая нивеллировка!

Но религіозному сознанію нечего дѣлать съ этой дикой демократіей, порожденіемъ такого же дикаго ра-

венства. Какъ «осознавать», да еще религиозно, то, что не имѣть ни малѣйшей связи съ реальностью?

Равенства-уравненія не только нѣтъ въ міровомъ порядкѣ, но его никогда, нигдѣ и не будетъ, такъ какъ его нѣтъ въ самой *волѣ* человѣческой (совпадающей въ этомъ съ Божьей).

Еще никто на землѣ, ни разу, не пожелалъ подобнаго равенства. Начиная съ первой дѣтской мечты — «хочу открывать новыя страны», «хочу быть самымъ сильнымъ», — наши желанія говорятъ вовсе не о волѣ къ равенству: вѣдь и ребенокъ, инстинктивно, знаетъ, что если всѣ будутъ открывать новыя страны и сдѣлаются первыми силачами, то не будетъ ни новыхъ странъ, ни силачей. А одна дѣвочка разъ хорошо объяснила, почему «не надо, чтобы всѣ люди были одинаковые»:

— Тогда у всѣхъ будетъ *ничѣмная незамѣчательность*.

Неудачникъ можетъ сказать въ озлобленіи: я обездоленъ — пусть бы и всѣ стали такими-же обездоленными! но и онъ этого вовсе не хочетъ — просто хочетъ самъ изъ своего положенія выйти.

Воля человѣческая -- есть воля къ *возрожденію*, и, въ существѣ, раскрывается она, какъ воля всѣхъ и каждаго достигъ *максимума своей* высоты. На религиозномъ языкѣ это зовется «исполненіемъ своей мѣры». И не къ созданію равенства всѣхъ направлены усилія человѣчества, а къ созданію равной для всѣхъ *возможности* свою задачу выполнить.

Но такое равенство -- есть *равенство-равноцѣнность*.

Въ евангельской притчѣ о талантахъ, каждому — получившему десять талантовъ и получившему два, — было сказано равно: «войди въ радость Господина Твоего». Лишь тотъ, кто зарылъ данное ему въ землю, не приобрѣлъ самъ въ мѣру даннаго, названъ «лукавымъ и невѣрнымъ». И «тъма внѣшняя» (небытіе) вовсе не была ему кѣмъ-то послана «въ наказаніе»: нѣтъ, ему *самому* уже нельзя было «войти въ радость», ибо самъ онъ, въ равныхъ съ другими одаренными условіяхъ свободы, не исполнилъ своей мѣры; могъ — и не захотѣлъ.

А равенство-одинаковость... даже темный духъ небытія, отвлеченный, но жадно ищущій воплотиться, — прекрасно знаетъ, что мы такого равенства не хотимъ. Не хотимъ, не понимаемъ до невозможности имъ и соблазняться. Поэтому словомъ «равенство», какъ соблаз-

номъ, темный духъ пользуется лишь тамъ, гдѣ оно воспринимается и понимается въ нужномъ ему смыслѣ.

Въ этомъ смыслѣ поняла его французская угольщица: встрѣтивъ, тотчасъ послѣ революціи 48-го года, знатную даму съ ведромъ угля въ рукахъ, закричала радостно: «а, ты шелковые чулки носила (куда ты ихъ припрятала?). а я таскала уголь! Теперь я буду ходить въ шелковыхъ чулкахъ, а ты уголь таскать: *теперь — равенство!*

Именно такъ понимается, — физиологически ощущается, — «равенство» и донынѣ, если оно «соблазняетъ». Подъ прикрытіемъ этого слова соблазняетъ самое страшное изъ неравенствъ, — перманентное и перемежающееся: я вверху — ты внизу; ты вверху — я внизу; я ничто — ты все; ты ничто — я все.

Это съ большой точностью выражено въ Интернаціоналѣ:

«Nous ne sommes rien — soyons tout!»

Конечно, кто сегодня кричитъ «soyons tout» — не знаетъ, что по желѣзной необходимости, за «tout» слѣдуетъ опять «rien»... Но французская угольщица и не можетъ видѣть дальше сегодняшняго дня: иначе не соблазнила бы ее маска «равенства»...

Спасти отъ этой «дурной безконечности» неравенства утверждениемъ другого какого нибудь неравенства — нельзя. И Бердяевъ просто на просто обходитъ французскую угольщицу, — какъ всякую реальность, — и старается продолжать войну въ воздухѣ. Мы сейчасъ увидимъ, къ чему это его приводитъ.

Своей утопической «демократіи» (человѣкобожеской, не признающей государства и основанной на равенствѣ по Джерому) Бердяевъ противопоставляетъ свое-же «идеальное» общественное устройство. Въ немъ «неравенство» открыто возведено въ принципъ, взято, какъ исходная точка. Аристократія (меньшинство) управляетъ демосомъ (большинствомъ). Демосъ — есть нѣкій безгласный «коллективъ» (Надо замѣтить, что слово «коллективъ», по существу нейтральное, въ устахъ Бердяева имѣетъ отрицательное значеніе: это нѣчто вродѣ Герценовской «паусной икры». Отсюда, должно быть, и утвержденіе, что «въ Царствѣ Божіемъ никакихъ коллективовъ не будетъ».)

Между аристократіей и демосомъ, который, какъ «коллективъ», голоса или воли естественно не имѣетъ, —

разница качественная, т. е. рѣшающая: вѣдь для Бердяева категоріи «качества» и «количества» не равноцѣнны. Сдѣлаться «аристократомъ» нельзя: надо родиться. Рожденный плебеемъ — всегда имъ и останется. И, вообще, всякое желанье возвыситься — плебейство.

Пока — новаго мало. Мы даже видѣли нѣкоторыя (о, самыя несовершенныя!) воплощенія этихъ принциповъ въ историческомъ прошломъ. «Не обманывайте себя! говоритъ Бердяевъ, обличая: вездѣ, всегда правило меньшинство!» И тутъ нѣтъ новаго. Если взять это положеніе формально, то можно даже согласиться, что и впредь, всегда, государственное управленіе будетъ принадлежать фактическому меньшинству. Это большевики могли обѣщать русскимъ кухаркамъ, что онѣ всѣ будутъ править государствомъ, — да и кухарки не вѣрили...

Но не о томъ рѣчь. Самое неожиданное — религиозная санкція, которую Бердяевъ даетъ общественному устройству, основанному на подобныхъ принципахъ. Утверждаетъ его «религиозно». И это не вчера, не въ прошломъ, а теперь, сегодня, когда исторія поставила насъ лицомъ къ лицу съ наиболѣе совершеннымъ воплощеніемъ этихъ принциповъ въ реальной жизни...

Бердяевъ называетъ современное русское общественно-государственное устройство — «сатанократіей». И не видитъ, на какихъ основахъ оно покоится? Это его-же, бердяевскія, основы. Прежде всего — неравенство (небрежно скрытое подъ словеснымъ равенствомъ, да теперь ужъ и не скрытое). Управляетъ — «врожденное, прирожденное» меньшинство такимъ-же прирожденнымъ большинствомъ, безгласнымъ и безвольнымъ. «Аристократія» и «демосъ» на своихъ мѣстахъ, при тѣхъ-же функціяхъ. Не оттого-же это царство для Бердяева «сатанократія», что перепутаны наименованія и зовется оно «пролетарскимъ», а не «аристократическимъ»? Слова въ такихъ случаяхъ мало значатъ. Гораздо важнѣе, что въ обоихъ царствахъ, и большевицкомъ, и бердяевскомъ, не только утверждается, но и отрицается то-же самое: равенство, свобода, демократія, революція... Правда, въ «пролетарскомъ» все это отрицается *на дѣлѣ*, а не на словахъ; но вѣдь и само царство уже «дѣется», а бердяевское только проэктируется...

Знаю, что можетъ возразить мнѣ Бердяевъ: я говорю о формѣ, а форма ничто, она опредѣляется содержаніемъ.

Двѣ, схожія внѣшне, формы общественнаго устройства могутъ совершенно различаться другъ отъ друга, даже быть противоположными другъ другу, *если онѣ не одного и того же духа.*

Я о духѣ не забываю; и, мнѣ кажется, не только формально сближаю два царства — дѣйствующее, большевицкое, и мечтаемое, бердяевское — когда говорю, что оба они отрицаютъ *духъ* равенства-равноцѣнности, *духъ* революціи... Этимъ, въ связи съ отрицаніемъ идеи демократической, они оба отрицаютъ *духъ* свободы. Духъ Господень, ибо, напомнимъ Бердяеву, «гдѣ духъ Господень — тамъ свобода».

Это первое. А второе — о формѣ.

Отношеніе къ формѣ, какъ къ чему-то не имѣющему значенія, опредѣленному содержаніемъ, — религиозно неприемлемо. Форма есть *плоть* міра, и духъ, вновь и вновь воплощаясь, ищетъ и новыхъ формъ. Безъ этого не было-бы въ жизни никакого *реального* творчества. Бердяевъ, въ своей книгѣ, слишкомъ часто прячется отъ реальностей: «все, молъ, сіе нужно понимать духовно». И свободу онъ признаетъ, но духовную. И аристократію понимаетъ — духовно. Даже восхожденіе человечества къ Царству Божьему склоненъ мыслить, какъ только духовное... Но мы не играемъ въ прятки. Или надо сказать себѣ, что форма, *плоть* міра — *ничто* религиозно, служебная, случайная величина; и тогда надо отречься отъ міра. Или-же, если для религиознаго сознанія человѣческой міръ восходитъ къ Богу *во плоти*, мы должны признать, что не случайно духъ ищетъ облечься новой плотью, творить новые формы. Бердяеву я на этотъ разъ напомнимъ только о ветхихъ мѣхахъ: не вливають новаго вина въ мѣха ветхіе: прорвутся мѣха, вытечетъ вино, и пропадетъ то и другое.

IV

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ демократическихъ группировкахъ и партіяхъ, и даже въ демократіяхъ уже реализующихся — смѣшанность: въ нихъ дѣйствуютъ контрабандой туда проникшія, идеи не только чуждыя демократизму, но и прямо ему враждебныя.

Такова, напимѣръ, идея большевистско-коммунистическая. Впрочемъ — какъ назвать, и можно-ли назвать

«идеи» этоъ механической составъ изъ множества обратнo-перевернутыхъ идей, эту совокупность анти-свободы, анти-національности, анти-соціальнойности, всякихъ «анти», и, конечно, анти-демократіи? Это нѣчто, сработанное по мелочамъ духомъ небытія, «творить» неумѣющимъ, — и сработанное незамысловато: все положительное взято, какъ отрицательное, а для обмана оставлены прежнія наименованія. Я думаю, точнѣе всего было-бы звать этоъ Соблазнъ — «обратничествомъ».

Какъ механизмъ, онъ легко разбирается, раздѣляется, даже распыляется, когда надо вводить отраву по частямъ, но при удобномъ случаѣ можетъ быть собранъ въ грандіозное цѣлое, — въ «сатанократію», по выраженію Бердяева.

Способность распыляться — тоже сила. Неуслѣдимо, тончайшими атомами все время прикрываясь именемъ идеи, которую хочетъ отравить, входитъ въ все соблазнъ «обратничества»; и уже внутри ширится и растетъ.

Какъ и когда вмѣшался онъ, напимѣръ, въ идею «соціализма»?

Я не буду здѣсь касаться сложнѣйшихъ проявленій, отгѣнковъ и формъ, которыя принималъ социализмъ. Но, для ясности дальнѣйшаго, мнѣ важно утвердить, что, какъ идея, социализмъ неразрывно связанъ съ идеей демократіи. Связанъ въ первоосновѣ, по самому существу. Вопреки разнообразнымъ опредѣленіямъ, социализмъ для демократіи и не инородное тѣло, и не прослойка, и даже не цѣль ея: настоящій социализмъ есть *сама ткань* настоящей демократіи. Поэтому и въ процессѣ становленія, — воплощенія, — мы ихъ должны мыслить совмѣстными: они совмѣстно эволюціонируютъ и совмѣстно, соответственно, измѣняются, — или «преображаются», если говорить религіознымъ языкомъ.

Такое утвержденіе связи между двумя идеями, пожалуй, обрадуетъ Бердяева. Не онъ-ли старается доказать, что демократія и социализмъ — одно, или почти одно? И дальѣ подчеркиваетъ: развѣ не «социализмъ» учить, что революція — диктаторскій захватъ власти однимъ классомъ? Что человѣческое сознание — лишь какое-то производное изъ экономики? Развѣ не въ «социализмѣ» зачеркивается, помимо цѣнностей высшаго порядка, даже сама человѣческая мораль, путемъ раздробленія ея единства на множество моралей классовыхъ? Развѣ нѣтъ этого въ социализмѣ?

Ну, конечно, есть; и какъ разъ о томъ и говорю, что оно есть въ социализмѣ, какъ и многое другое, еще болѣе анти-демократическое и анти-социалистическое, т. е. прямо враждебное социализму. Оно вползло подъ его крышу, всячески стараясь, ради соблазна, прикрыться чужимъ именемъ.

Но Бердяевъ не узналъ его; не увидѣлъ маски; онъ зоветъ «социализмомъ» — самую опредѣленную гримасу самаго опредѣленнаго «обратничества». Признаемъ-же, что и тутъ Бердяевъ «соблазненъ», и тутъ, борясь съ личиной, играетъ только въ руку обманщику.

Соблазнъ, впрочемъ, не былъ бы соблазномъ, еслибы не соблазнялъ. Какъ судить другихъ, когда ему поддаются даже люди, вроде Бердяева? Да говоря правду, были для этого, въ нашихъ демократическихъ и социалистическихъ теченіяхъ, достаточныя основанія. Не выросло-ли тамъ издавна многое, что потомъ расцвѣло въ большевистской Россіи? Не было ли тамъ подчеркнутаго уклона къ безличному коллективу, къ обожествленію экономики, къ воинствующему матеріализму — до совершенно «религіозной», экскоммуникативной, нетерпимости?

Было; и выражалось оно такъ ярко и рѣзко, что даже одна моя статья (въ 11 или 12 году), по этому поводу написанная, была прямо озаглавлена: «Обратная религія».

Соблазнительная примѣсь воинствующаго матеріализма, нетерпимости, — духа «обратной религіи», — имѣлась, хотя и въ разной степени, рѣшительно во всѣхъ нашихъ демократическихъ группировкахъ; во всѣхъ, уклона такъ называемаго «*льваго*»*). Идея, благодаря этой злой подмѣси, искажалась; и какъ разъ та, которую всего ревнивѣе надо хранить отъ искаженій, всего мужественнѣе защищать, ибо *идея демократическая* есть самая, по времени, драгоценная общественная идея.

Въ самомъ дѣлѣ, не видѣли-ли мы, какіе три вопроса — о «я», «ты» и «мы» стоятъ передъ человѣчествомъ на его пути? *Стремленіе къ Царству Божьему есть стремле-

*) Вотъ слово, отъ истерзости превратившееся просто въ известный знак! Я и беру его лишь какъ знакъ, которымъ привычно отмѣчаются идеи свободы. Идея, не имѣющая основой свободу, мы привыкли звать «правыми». Въ концѣ концовъ знаки безразличны, но само раздѣленіе важно и нужно. Когда Бердяевъ говорить: «я не правый и не лѣвый» — онъ ничего не говоритъ: онъ, по своему обыкновенію, прячется отъ реальности.

ніе къ совершенству «мы», гдѣ, въ свободной общности всѣхъ — утверждается равноцѣнность всѣхъ «я». Идея демократическая, заключающая въ себѣ тѣ-же начала свободы, личности и равенства-равноцѣнности, и есть поэтому идея самая глубокая, то-есть — *религіозная*.

Но если носители этой драгоценной идеи не осознаютъ сами ея религіознаго смысла — они плохо вооружены для ея защиты. Пока нѣтъ сознанія — у идеи нѣтъ стержня, у борющихся за нее — нѣтъ критерія.

Съ какимъ усердіемъ, съ какимъ умѣніемъ занимаются многіе демократы разработкой вопросовъ политическихъ, экономическихъ, социальныхъ и... не знаютъ простой вещи: эти вопросы пужны, важны, какъ жемчужины для ожерелья, но ожерелья все таки не будетъ, если не будетъ нити, на которую онѣ напизаны.

Соблазнительно ничего не стоило отвлечь ихъ взоры отъ этой нити: онѣ просто всю область положительной религіи, гдѣ центръ — христіанство, заслонили пихъ исторической христіанской церковью. Для примитивно-традиціоннаго сознанія — не достаточно-ли? Религія — есть христіанство, христіанство — церковь, а церковь — священники и старушки, или инквизиція. Въ лучшемъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ — религія есть индивидуальное дѣло, ни къ какой общественности не относящееся.

Можно, значить, въ эту сторону и не смотрѣть.

Въ худшемъ случаѣ такое постоянное соскальзываніе со своего главнаго устоя грозитъ демократіи полнымъ крушеніемъ; но и въ лучшемъ — оно задерживаетъ ея ростъ, ея развитіе, мѣшаетъ одному изъ первыхъ дѣлъ, которое предлежитъ всякой реализующейся демократіи — *дѣлу уравненія условий*.

Равенство условий — есть единственная реальная форма, въ которую можетъ и должна воплощаться идея равенства-равноцѣнности; единственная, этой идеѣ отвѣчающая.

Уравненіе условий — сама по себѣ задача огромная. Но и при наиболѣе достигнутомъ равенствѣ, люди не сдѣлаются, конечно, одинаковыми: будутъ не только разноспособные, но и неравноспособные, умные и глупые, слабые и сильные, словомъ — худшіе и лучшіе. Лучшіе естественно будутъ впереди худшихъ... но пусть не радуется Бердяевъ и не пугаются демократы: отъ этого

демократія не перестанетъ быть демократіей и не потеряетъ своего принципа свободы.

Напротивъ: только равенство условій и даетъ истинную свободу: свободу всѣмъ и каждому — *стать чѣмъ хочешь и можешь*, исполнить свою мѣру, приобрести на данные два таланта — другіе два, на десять — десять, или... зарыть ихъ въ землю, выбравъ «тѣму внѣшнюю».

Жоресъ какъ-то сказалъ, что привилегированныя условія, въ которыхъ онъ родился, такъ мучаютъ его, что онъ лучше былъ бы готовъ и самъ въ нихъ не рождаться, разъ они невозможны для *всѣхъ*.

Бердяевъ здѣсь усмотритъ, конечно, жажду «нивелировки» и «равненіе по низшему». Но я думаю, и Жоресъ понималъ, что воспитайся съ нимъ рядомъ тысяча чело-вѣкъ — изъ нихъ не вышло бы тысячи Жоресовъ. Почему же онъ все таки мечтаетъ о какомъ то равенствѣ *всѣхъ*? Бердяеву слѣдовало-бы помнить, что каждый праведникъ молится: «всѣхъ, Господи, спаси, а если не всѣхъ — то пусть и я съ ними погибну». Это ли не равеніе на низшихъ? На самыхъ низшихъ, на погибающихъ. Должно быть, однако, въ глубоко-религіозной молитвѣ этой, какъ въ словахъ Жореса, — равеніе не на низшее, а на высшее, центр тяжести не въ спускѣ, а въ восхожденіи, не въ гибели, а въ спасеніи: «*пусть спасутся все*».

Но въ отвлеченныхъ стопахъ Бердяева мы и тутъ недалеко уйдемъ. Равенство въ свободѣ пугаетъ его. Равныя условія для всѣхъ рожденныхъ — кажутся ему нарушеніемъ основъ государственности. Оттого, вѣроятно, и утверждаетъ онъ, что «демократія не признаетъ государства»^{*)}.

Не сомнѣваюсь, что бердяевская «демократія» признать государства не можетъ. Но подлинная — становится безгосударственной и безвластной лишь тогда, когда измѣняетъ себѣ, когда соскальзываетъ со своей идеи.

Настоящая демократія должна имѣть власть, чтобы охранять и проводить въ жизнь свою идею. Власть — ограничивать свободу каждаго, кто посягнетъ на свободу

^{*)} О государствѣ — самая мутная глава въ книгѣ. Лучше бы ужъ держался онъ краткаго опредѣленія Вл. Соловьева, которое самъ приводитъ: «Государство существуетъ не для того, чтобы создать рай на землѣ, а чтобы помѣшать ей превратиться въ адъ».

всѣхъ. И такую власть демократія должна признавать не только правомъ своимъ, а также и обязанностью.

Но повторяю: чтобы понять всѣ права и обязанности, налагаемая даюной идеей, нужно понять самую идею въ ея послѣдней, т. е. въ религіозной глубинѣ. Лишь на этой глубинѣ открывается и настоящее пониманіе Свободы, къ которой мы всѣ стремимся, а получаемъ — только изъ Божьихъ рукъ, на пути нашего къ Нему восхожденія.

V

Мнѣ осталось еще сказать два слова о религіозной позиціи Бердяева и о томъ, почему наши общественные выводы такъ разнятся, хотя оба мы исповѣдуемъ ту-же христіанскую религію и принадлежимъ къ той же православной церкви.

У насъ не разная религія, но разное *религіозное сознание*. Я не хочу сказать, что у меня сознание — вѣрное, а у Бердяева не вѣрное. Оба вѣрны, если вѣрна наша религія. Но въ лучъ моего религіознаго прожектора попадаетъ то, что въ лучъ Бердяевскаго — не попадаетъ. И область, остающаяся для Бердяева темной -- область вопросовъ общественныхъ.

Онъ говоритъ о личности, о природѣ зла, о духовномъ возрастаніи — религіозно. Но чуть касается общественности — слова его гаснутъ, сужденія становятся просто обыкновенными сужденіями съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія, и весьма не безпристрастными. Почему это такъ?

Отвѣтъ данъ самимъ Бердяевымъ: потому что «Христосъ не учитъ общественности», а Бердяевъ — послѣдователь Христа и только одного Христа. Онъ даже указываетъ на опасность сближенія проблемы общественной со Христомъ, «который оставляетъ въ сторонѣ социальные вопросы». Естественно, что если Бердяевъ самъ и не оставляетъ ихъ въ сторонѣ — онъ говоритъ о нихъ уже не съ религіозной точки зрѣнія: этой точки зрѣнія у него здѣсь нѣтъ.

«Чистое христіанство» Бердяева опредѣляетъ и его отношеніе къ исторической (реальной) христіанской Церкви.

Я признаю, что въ христіанской Церкви заключена

вся полнота истины; но я сознаю, что она тамъ именно *заключена*, а открывается намъ лишь одна изъ ея трехъ сторонъ. Я не боюсь сказать это, ибо для моего религиознаго сознанія — существующая, въ исторіи находящаяся, церковь — такое-же не совершенное воплощеніе Духа Божьяго, какъ не совершенно во времени и пространствѣ всякое воплощеніе. «Церковь — храмина недостроенная!» любилъ повторять одинъ очень православный церковникъ.

Для моего религиознаго сознанія ясно, что правда «о всѣхъ», правда общественная, должна быть вскрыта въ мирѣ такъ-же, какъ Христомъ уже вскрыта правда о Личности. Для меня ясно, что воля, заставляющая человѣчество, сознательно или безсознательно, протягивать руки къ этой правдѣ — есть воля Божья, и что во Христѣ эта правда уже есть: «Духъ, котораго пошлю вамъ, *отъ Моего возьметъ*, и наставитъ васъ на всякую истину, и будущее возвѣститъ вамъ».

Для моего религиознаго сознанія ясно, что мы должны быть готовыми «вмѣстить» эту правду, а готовность не дается бездѣйствіемъ, созерцаніемъ и отворачиваньемъ отъ жизни. Надо идти навстрѣчу Божьей правдѣ, и она — «нудится, и употребляющій усиліе восхищается ея.»

Въ моемъ религиозномъ сознаніи Божья правда «о всѣхъ», земная человѣческая совмѣстность, строится какъ прообразъ Царства Божія, т. е. на основахъ свободы и подлиннаго равенства.

И такое религиозное сознанье — вовсе не мое только: у меня много союзниковъ. Не буду говорить о далекихъ и чужихъ, назову лишь одного, своего и очень намъ близкаго: Владимира Соловьева. Извѣстенъ ли онъ? По имени — да, но я утверждаю, что по существу онъ остался неизвѣстенъ и для тѣхъ, кто его «изучалъ», «увлекался» имъ. Даже малое, второстепенное, что они поняли въ немъ, — они скоро и основательно забыли. О ви́шнихъ же не стоитъ и говорить: однихъ, общественниковъ, отталкивало его христіанство; другихъ, «христіанъ» — его «либерализмъ».

Правда, есть у Вл. Соловьева, кое-гдѣ, недоговоренность; одна изъ причинъ ея — это то, что онъ былъ «слишкомъ раннимъ предтечей слишкомъ медленной весны»... Онъ много зналъ, но еще больше предчувствовалъ. А кого могъ, въ тѣ недавнія — и далекія — времена, занять хотя бы его вопросъ, обращенный къ Россіи:

«Какимъ ты хочешь быть востокомъ,
Востокомъ Ксеркса — иль Христа?»

его непонятный страхъ:

«И вотъ Господь неумолимо
Мою Россію отстранить...».

Приходило ли въ голову даже тому, кто о Россіи думалъ, что очень скоро — краснымъ

— дѣтямъ на забаву
Дадутъ клочки ея знаменъ?

Но оставимъ стихи, предчувствія и прозрѣнія Соловьева. Мы говоримъ лишь объ его религіозномъ сознаниі. И если, *теперь*, вдумчивый человекъ откроетъ любую книгу статей его и новыми глазами прочтетъ старыя страницы, онъ его поразятъ: въ нихъ все — объ одномъ, о реальной *связи* религіи съ общественностью. Соловьевъ не устаетъ повторять, что во Христѣ уже есть, уже дана, человѣческая и Божья правда свободной совмѣстности, побѣждающая духомъ Божьимъ духа смерти.

Темы Соловьева вѣщше разнообразны. Очень часто взяты онъ лишь для прикрытія главной темы: не забудемъ, что онъ былъ связанъ тогдашней цензурой. Но пишетъ-ли онъ рецензію объ иностранной книгѣ, говоритъ ли о поэзіи, о Талмудѣ, о смыслѣ любви — все это сводится къ необходимости осознать *религіозно* вопросъ общественный. Въ невинной, какъ будто, статьѣ «О поддѣлкахъ» ему удается, сквозь цензуру, сказать, съ изумительной опредѣленностью, что Христіанство, не включающее въ себя вопроса о реальномъ, свободномъ, устроеніи чело-вѣчества на землѣ (правда «о всѣхъ») — есть не настоящее, а *поддѣльное* христіанство*).

Но... для однихъ это было непонятно или ненужно, а для другихъ, вродѣ Бердяева, это и до сихъ поръ остается

*) Съ точки зрѣнія того-же религіознаго сознания Соловьевъ отрицаетъ и христіанство «чисто духовное»; онъ отвергаетъ, даже рѣзко осуждаетъ, религіозную «а-политичность» (по его собственному выраженію) считая «а-политичную» религію также «поддѣлкой» подъ религію.

ересью: вѣдь «христіанство — не учить общественности».

Бердяевъ, въ узкой устремленности вниманія на ликъ Христа, и въ томъ, какъ онъ этотъ ликъ видитъ, — совершенно совпадаетъ съ обѣими историческими христіанскими церквами: и восточной, и западной. Отсюда у него и тяготѣнье къ «духовности». Онъ признаетъ плоть міра (какъ и Церковь), но нехотя, концами губъ, словесно (такъ-же, какъ и Церковь). Вотъ послѣдній общій, выводъ, который дѣлаетъ Бердяевъ въ свѣтѣ *своего* религиознаго сознанія: «Только реальное осуществленіе совершенной духовной жизни (а оно невозможно) есть разрѣшенъе проблемы совершеннаго общества»... которое, значить, тоже невозможно.

Церковь, благодатная хранительница истины, скрытой до времени отъ нея самой, Церковь, для которой въ «мірѣ» — только еще «дѣтся тайна беззаконія», эта Церковь и не вступаетъ «въ прю съ княземъ міра сего», не подѣмлетъ голоса (когда вѣрна себѣ) для сужденій или осужденій человѣчества, борящагося за свободу. Она только широко открываетъ объятія каждой отдѣльной душѣ, всякому, «приходящему извнѣ», жаждущему отдыха и послѣдняго утѣшенія.

Но Бердяевъ не «приходящій извнѣ». Книга его, по замыслу, есть «исходъ во внѣ». Забывъ свои-же утвержденія, что «въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ откровенія христіанской общественности», что «Царство Христово не отъ міра сего» — онъ идетъ судить «сей міръ». Съ пониманіемъ свободы, равенства, братства какъ началъ лишь духовныхъ и отвлеченныхъ — онъ судитъ человѣческую волю къ ихъ воплощенію, и думаетъ, что судитъ и осуждаетъ ее — *религиозно*.

Но случилось то, что онъ и самъ могъ-бы предвидѣть. Вѣдь онъ самъ говорить: «великій соблазнъ — проблема общественности и для *вѣрныхъ христіанъ*, и для враговъ христіанства». Книга Бердяева и есть такой соблазнъ. Будь она не такъ мутно, противорѣчиво и отвлеченно написана — она соблазняла-бы, пожалуй, больше. Но эта муть не случайна: самые корни ея — роковой узелъ, гдѣ «правда съ ложью сплетена».

И, конечно, не о свѣтѣ Бердяевского сознанія я думаю, когда говорю, что явленія общественной жизни нужно освѣщать религиозно: лучъ бердяевского свѣта до нихъ не достигаетъ.

Нѣтъ, я говорю о томъ длинномъ лучѣ (Влад. Соловьевъ зналъ его), въ которомъ воля человѣчества къ устройству на землѣ въ свободѣ, равенствѣ и любви — открывается намъ, какъ Божья. Я говорю: чѣмъ глубже мы сознаемъ, что идея свободы — есть идея *свободы въ Богѣ*, тѣмъ ближе и возможнѣе ея воплощенье.

Придетъ ли это сознанье? Придетъ. Но вѣрить-ли, что скоро?

Не знаю. И только одно могу сказать здѣсь: вѣрую, Господи, помоги моему невѣрiю.

3. Гиппiусъ